

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛ-РЕФОРМИСТСКОЙ СТРАТЕГИИ В ГЕРМАНИИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ

Т.З.Шмидт

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Выявляются объективные условия, в которых шло формирование социал-реформистской стратегии в Германии на рубеже XIX и XX вв.

В Германии к началу XX в. завершился качественный системообразующий процесс в сфере социально-реформистской теории и практики, в результате которого реформизм превратился в самостоятельное социально-политическое явление. Отныне появилась возможность исследовать его не только как неотъемлемую часть программы и социальной политики специфически реформистских буржуазных партий, но и как явления.

Представляя собой определенную систему концепций и доктрин, реализуемых в социально-политической практике, социальный реформизм в германских условиях рубежа веков обрел специфические черты. В силу особенностей исторического развития в Германии рано зародилась буржуазно-реформистская мысль и начиная уже с 80-х гг. XIX в. обозначился выход буржуазного реформизма на политическую арену. К началу Первой мировой войны он имел богатую историю: был представлен различными политическими и общественными силами; его идейные и программные установки были сравнимы, а в некоторых аспектах даже опережали в развитии разработки аналогичных реформистских групп в других европейских странах.

Общими причинами возникновения и разработки политических и социальных теорий в рамках социального реформизма являлись быстрые экономические и социальные изменения в XIX в., сопровождавшиеся ростом населения, индустриализацией, урбанизацией, секуляризацией и политической мобилизацией широких масс. Но этот комплекс причин не позволяет объяснить тот факт, что не Англия, Франция или Нидерланды, а Германия впервые начала внедрять эффективные механизмы государственной социальной защиты. Бисмарковская система социального страхования 1880-х гг. заложила

основы современного социального государства.

Оптимальный результат в данном случае может быть достигнут при учете всех факторов политической и духовной ситуации в стране: роли государства в экономической и социальной жизни, эффективности коммунального и государственного управления, интерпретации социальных проблем политической и социальной элитой, соотношения политических партий, степени политической и профсоюзной мобилизации рабочего класса, особенности предпринимательского класса, наличия ресурсов для системы социальной защиты и т.п.

Особую роль в Германии сыграли этатистская и патерналистская традиции. Их основы были заложены еще пиевизмом и камералистикой, которые определяли государство как инструмент для обеспечения всеобщего и индивидуального блага. Немецкая идеалистическая философия (Гегель) и государствоведение (Р.Моль) XIX в. продолжили разработку этих идей.

Уже в середине XIX в. некоторые мыслители Германии распознали принципиально новый характер индустриального общества и социальных проблем, порождаемых им, и достаточно интенсивно вели поиск методов ослабления противоречий между имущими слоями общества и неимущим пролетариатом. В основной массе своей то были представители так называемого «социального консерватизма», которых объединяло порицание буржуазного экономического и социального строя, а также отклонение либеральных и социалистических общественных концепций¹.

Наибольшее влияние на выработку реформистской ориентации в классовой стратегии немецкой буржуазии оказало учение о «социальной монархии» Лоренца фон Штайна (1815–1890), изложенное в его трех-

томном труде «История социальных движений во Франции с 1789 по наши дни». Л. Штайн исходил в своих построениях из анализа закономерностей развития современного ему общества. Он был знаком с социальной критикой капитализма, предложенной К.Марксом, и даже использовал ее. Но его выводы о перспективах развития буржуазного общества были иными. Следствием социального развития, по мнению Штайна, должны стать не революция или полное подавление пролетариата, но осознанное требование социальной реформы, осуществляемой государством. «Сущность государства, – считал он, – требует использования его власти на благо всех классов»².

Для Германии Штайн требовал «монархии общественных реформ» или «социальной монархии», стоящей над классовыми противоречиями³. Государство, по его мнению, «должно стремиться к экономическому и общественному прогрессу всех своих членов, так как развитие одного есть условие и следствие развития другого; в этом смысле мы говорим об общественном или социальном государстве»⁴. Согласно его представлениям, социальное государство не только сохраняет и легитимирует свое господство, но и сознательно служит интересам народа.

Л.Штайну принадлежит не только термин «социальное государство», но и такое ключевое понятие как «социальная политика», которую он определял как «учение об общественной целесообразности». Введение их в оборот имело большое значение для осознания и проведения практических социальных реформ.

Идеи Штайна получают широкое хождение в Союзе социальной политики, Обществе социальной реформы и Социально-евангелическом конгрессе – ведущих социал-реформистских ферейнах кайзеровской империи. В основном они будут способствовать укреплению идейного потенциала консервативного реформизма, хотя и в либеральном лагере концепция Ф.Науманна о «социальном кайзерстве» генетически будет связываться со штайновской системой взглядов.

В Германии на службу социальной реформе был поставлен значительный потенциал общественных наук. Особую роль при этом играла прикладная политическая экономия (Volkswirtschaftspolitik), в которой

выделялась так называемая «школа социальной реформы». Она внесла большой вклад в формирование своего рода механизмов «самопознания» и «самообучения» капитализма. Для большинства ее представителей социальная политика имела характер «компромисса между политикой и этикой»⁵. Осуществление в обществе нравственного идеала и социальной справедливости возлагалось на социальную монархию и просвещенную бюрократию. Формированию подобной позиции способствовал непартийный характер германского социал-реформизма, особенно консервативной его разновидности. С этим же было связано появление особых «этикеток» для обозначения носителей буржуазно-реформистских идей и практиков реформистского действия. В Германии этого периода они именовались «социальными политиками» или «социал-реформистами».

Таким образом, реформирование как политический принцип имело в Германии прочные традиции и рассматривалось главным образом как вмешательство сверху во имя общего блага. В условиях полуавторитарного режима Германской империи установки на активную социальную роль государства находили поддержку преимущественно в правом лагере. Консервативная реформистская мысль в Германии развивалась в русле специфически немецкой традиции этатизма, что и предопределило во многом прочность ее позиций.

Германский либерализм на рубеже веков был идейно и организационно расколот, не мог опираться ни на прочное укоренение либеральных идей в германском обществе, ни на широкую социальную базу. Мелкобуржуазные слои деревни находились под влиянием юнкерства, а в городах значительная часть мелкой буржуазии шла за социал-демократией.

Мелкая буржуазия не стала социальной базой германского либерализма и в силу того, что в ней были живучи традиции антииндустриализма, романтизма, провинциализма, культа «прекрасного малого». Живучесть этих традиций связана со спецификой модернизации Германии: стремительной и недостаточно глубокой, сохранившей под слоем буржуазных экономических и политических институтов значительные элементы традиционной культуры.

В отличие от Великобритании, где разрыв между рабочим классом и либерализмом произошел только на рубеже веков, немецкий либерализм с начала своего существования упустил шанс привлечь в свой лагерь рабочих. «Политически самой большой глупостью, которую мог совершить либерализм», Ф.Науманн считал то, что тот оттолкнул от себя нарождающееся рабочее движение. Превратить либерализм в социальное течение и привлечь на его сторону народные массы не удалось.

Германская социал-демократия была сильна и политически, и организационно. Она представляла собой социальное движение со своим образом жизни и своей политической культурой. Ориентируясь после отмены исключительного закона против социалистов (1878-1890) на выборы и парламентскую деятельность, партия одновременно приспособлялась для внепарламентской работы. Реформистские тенденции в партии с конца XIX в. не привели к выводу СДПГ из политической изоляции. Классовый характер партии и отказ от сотрудничества с другими политическими силами оставались в качестве общепартийных установок вплоть до 1914 г. Взаимодействие социал-демократического рабочего движения и буржуазного социал-реформизма было редким исключением и ограничивалось решением частных вопросов охраны труда на производстве.

Раннее становление политического рабочего движения в Германии для дальнейшего развития страны имело определенные негативные последствия. В результате раскола демократического движения уменьшился его реформистский потенциал. Изоляция рабочего движения в политической системе не позволяла использовать силу рабочего класса для проведения политических и социальных реформ. Германская буржуазия была вынуждена в большей степени, чем в других странах, обращаться за помощью в защите своих интересов от рабочего класса, открыто исповедывающего революцию, к авторитарному государству и старой бюрократической и аристократической элите. Таким образом, косвенно это укрепляло консерватизм государственной системы кайзеровской империи⁶.

При анализе германского реформизма нужно учитывать еще одно обстоятельство.

Американский социолог С. Липсет в «Социологии демократии» (1962) вывел такую закономерность: радикализация политики наблюдается тогда, когда в стране происходит напластование больших исторических проблем, таких как достижение национального единства, борьба между государством и церковью, обеспечение участия народа в политической жизни, комплекс социальных проблем. Там, где эти проблемы решались последовательно друг за другом, там в XX в. не наблюдалось радикализации политики. Так, в Англии национальное единство было достигнуто в средние века, отношения между церковью и государством урегулированы в XVI в., участие народа в формировании политической воли обеспечивалось в течение XIX в., вопросами справедливого распределения социального продукта занялись в XX в. Особенностью Германии было то, что все эти проблемы не были решены к моменту создания единого государства.

Изучение реформизма в целом сталкивается и с объективной трудностью в определении ключевого элемента этого понятия – реформы, особенно социальной реформы – и введении его в исторический контекст последних 150 лет, а также в отграничении от других понятий социальной сферы, таких как социальная политика, попечительство бедных, благотворительность, различные инициативы самопомощи, социальные движения различных типов. «Нет ничего более консервативного, чем принцип реформ, и ничто не содействует больше революционным стремлениям, чем слепое сохранение старого»⁷. Эта цитата из Германского ежеквартальника за 1844 г. подчеркивает остроту постановки данной проблемы.

Реформа может рассматриваться как антитеза революции, которая имеет прежде всего консервирующую цель, несмотря на внешнюю прогрессивность. Отношение к социальной реформе как политике малых шагов, как корректировке статус-кво в тех пунктах, которые могли бы превратиться в угрозу для системы в целом, широко распространено в научной литературе.

Но существует другое, на наш взгляд, более глубокое, понимание реформ, в соответствии с которым они рассматриваются как «часть трудно осуществляемого революционного процесса», этапы которого предначертаны «общим планом желательной эво-

люции»⁸. Отличие от революции при таком «динамичном» представлении о реформе не так велико, как в первом случае: оно в степени, а не в принципе.

Видный германский профессор и либеральный социальный политик Г.Геркнер писал в своем знаменитом труде «Рабочий вопрос»: «Могут быть реформы, завоеванные революционными средствами (8-часовой рабочий день), и могут быть революционные изменения в способе производства, достигнутые легальным путем (социализация)»⁹. Косвенным свидетельством в пользу подобных трактовок служит появившаяся в 50–60 х гг. XX в. потребность в терминах для определения экономической и социальной системы западного мира, которая стала реальностью, но никак не вписывалась в традиционные представления о капитализме.

Именно эти проблемы: концептуальные истоки и основные вехи социально-политической эволюции буржуазии в странах Запада - вызывают последние два десятилетия

повышенный научный и общественный интерес.

Примечания

¹ Schops J.H. Sozialkonservatismus-Vorläufer und Wegbereiter//Die Mitarbeiter. Zeitschrift zur Gesellschafts- und Kulturpolitik. 1977. H.4. S.305.

² Stein L. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tagen. München, 1921. Bd.3. S.204.

³ Ibid. S.40.

⁴ Historische Zeitschrift. Bh.11. S.11.

⁵ Wandlungen der Wirtschaft im kapitalistischen Zeitalter (Ein Sammelwerk der Internationalen Vereinigung für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie)/Hrsg. Von Briefs G. Berlin, 1932. S.388.

⁶ Ritter G.-A. Die Sozialdemokratie im Deutschen Kaiserreich//Historische Zeitschrift. 1989. Bd.249, H.2. S.296-304.

⁷ Historische Wurzeln der Sozialpartnerschaft//Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit.. München, 1986. Bd.12/13. S.40.

⁸ «Weder Kommunismus noch Kapitalismus» Bürgerliche Sozialreform in Deutschland vom Vormarz bis zur Ara Adenauer/Hrsg. Von R. Bruch. München, 1985. S. 23.

⁹ Herkner H. Die Arbeiterfrage. Bd.1: Arbeiterfrage und Sozialreform. Berlin; Leipzig, 1922. S.63.

SOME APPROACHES TO THE RESEARCH OF GERMAN SOCIAL REFORMISM ON THE EVE OF THE XIX–XX CENTURIES

T.Z. Schmidt

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva, 15.

The author analyses the conditions of forming social-reformism the strategy of in German on the eve of XIX-XX centuries.